

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДЕТЕРМИНИЗМЕ И ДЕТЕРМИНАЦИИ В ПСИХОЛОГИИ (В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ)

Э.В. Галажинский (Томск)

Аннотация. Анализируются подходы к изучению проблемы детерминизма в психологии. Наряду с историко-категориальным подходом (М.Г. Ярошевский) предлагается использовать историко-системный (В.Е. Ключко). Данный подход позволяет выявить внутреннюю тенденцию изменения и развития науки, ее принципов детерминизма и наметить пути разрешения противоречия между той степенью произвольности, которое заключает в себе понятие «самореализация» (предполагающее внутренний источник активности), и объективными законами «внешнего».

Ключевые слова: детерминизм, детерминация, самореализация, историко-системный подход.

Постановка проблемы самореализации личности обнажает существование «методологического треугольника», берущего свое начало еще в античности, внутри которого движется психологическая мысль. Причины любых изменений можно приписать высшим силам, стоящим над материей и духом (сознанием, психикой); можно локализовать причины на полюсах, получая еще две позиции: 1) на полюсе человека (духа, сознания, психики, субъективного – как того, что с человеком связано и от него неотрывно) или 2) на полюсе материи как источнике всех причин, не исключая и подчиняющегося этим причинам человека с его духом, сознанием, психикой, субъективностью. Казалось бы, что за тысячелетия, вобравшие в себя бесконечные дискуссии обыденного, философского и конкретно-научного толка, уже можно было бы определиться по поводу дислокации источников изменений в природе, обществе, человеке, но проблема определения определяющих начал всего сущего (здесь нами не допущена тавтология – понятие «детерминизм» берет начало от латинского *determino* – определяю) продолжает оставаться далекой от решения. Уже в античности были реализованы три возможных варианта интерпретации (заметим при этом, что они практически совпадают с выделенными нами тремя позициями): источник изменения вне природы – нечто сверхъестественное; источник изменения вне природы – воля и сознание человека; источник изменения внутри природы, природа – причина самой себя [13]. И все-таки приходится соглашаться с А.В. Брушлинским в его оценке современного состояния вопроса: «Проблема детерминизма – самая жгучая и трудная в психологической науке, призванной рассматривать и решать вопрос о свободе воли, точнее, о свободе человека и его сознательных действий, которые именно в качестве свободных как будто бы исключают детерминированность как необходимость. Огромная сложность и даже парадоксальность данной проблемы постоянно приводили и приводят многих ученых к индетерминизму» [1. С. 68]. Почему же проблема детерминизма продолжает оставаться сложной и парадоксальной? Можно выделить несколько причин такого состояния дел.

Во-первых, сложилась традиция понимать под детерминизмом только третий вариант интерпретации, или третью позицию – материалистическую. Например, в

Психологическом словаре детерминизм определяется как «учение о всеобъемлющей причинной материальной обусловленности природных, общественных и психических явлений» [14. С. 87]. Такое понимание не схватывает еще возможность существования детерминаций не причинного порядка.

Во-вторых, если детерминизм сводится только к каузальной детерминации и при этом причины сосредотачиваются на одном полюсе (материи), возникают предпосылки для жесткой поляризации мышления самих исследователей, убежденных в правоте собственных позиций. «Идеализм же либо полностью отрицает детерминизм, противопоставляя ему телеологию и индетерминизм, либо выдвигает псевдодетерминистические концепции, согласно которым познающая мысль вносит в явления закономерную причинную связь», – продолжает автор статьи указанного словаря. В борьбе между идеализмом и материализмом, наверное, происходит какое-то развитие детерминистических идей, но априоризм и финалистичность двух философских идей закрывают дорогу возможности возникновения третьего взгляда. Еще сложнее, когда философская идея, в обычном виде отражающая личную идеологию исследователя или группы исследователей, становится во главе государственной идеологии, а затем и государственной политики.

Поскольку представить человеческое поведение без желаний, намерений, мотивов и т.п. невозможно, парадоксальность, на которую указывает А.В. Брушлинский, выступает как кажущееся неразрешимым противоречие между той степенью произвольности, которая заключает в себе понятие «самореализация», предполагающее внутренний источник активности (Я-сам), и объективными законами «внешнего», не зависящими от сознания и воли и которые к тому же полагаются как причина по отношению к внутреннему.

Последнее можно проиллюстрировать на материалах, полученных при исследованиях воли, – явления действительно произвольного и в большей мере сознательного. В.А. Иванников [3] отмечает, что с 30-х гг. XX в. количество исследований проблемы воли в западной психологии резко сократилось, а возрождение интереса к ней началось лишь в 80-х гг. Пытаясь понять истоки такого явления, автор отмечает три причины,

обусловившие снижение интереса к исследованиям в области психологии воли: 1) методологические трудности; 2) трудности теоретического понимания воли; 3) методические трудности исследования [3. С. 141]. Первые, на наш взгляд, связаны с определением детерминационных механизмов волевого действия и являются определяющими. Продолжая удерживать примат внешнего над внутренним, необходимо объяснить содержание понятия «воля», тем более «свободная воля».

Ясно, что в реактивных концепциях, основанных на постулате непосредственности, где проблема порождения действия не ставится, нет места и для понятия воли, поскольку в этих теориях детерминация деятельности осуществляется помимо человека, т.е. стимулами внешними или внутренними, действующими независимо от человека. Широкое распространение бихевиоризма в западной психологии привело к тому, что в ней не нашлось места проблеме воли, а также, что вполне естественно, и самореализации. Воля не нашла своего места и в классической психоаналитической психологии, где поведение человека в конечном счете определяется врожденными биологическими влечениями, но и проблема самореализации личности заметного развития в ней не получила. В.А. Иванников [3] считает, что интерес к проблеме воли в западной психологии возрождается именно вследствие трудностей создания теории мотивации активного поведения человека. Что же касается самореализации личности, то она вполне заявляет о себе в гуманистической психологии именно потому, что гуманистическая психология выступила «третьей силой» по отношению к бихевиоризму и психоанализу [11, 18]. Более детально мы рассмотрим этот вопрос позже, а пока отметим следующий момент.

Самореализация и воля возникали как понятия, обозначающие какую-то «не очень ясную реальность». Они предполагали некую самостоятельную реальность, требующую конкретизации понятий и особых методов исследования. Иными словами, самореализация и воля возникали как понятия объяснительные, следовательно, стоящая за ними реальность не могла стать объектом исследования. Первоначально (и во многом до сих пор) за самореализацией закрепилось понимание некой присущей человеку врожденной силы (или активности, или потребности, или свойства) реализовывать себя. Когда причины, источники активности меняют свою полярность (только внешнее – только внутреннее), понятие, фиксирующее проявление этих сил, потребностей и т.д., не может быть более чем объяснительным.

Здесь мы хотим высказать предположение о том, что самореализация личности не могла раньше стать полноправным предметом психологического исследования именно потому, что используемые принципы детерминизма опирались на достаточно жесткое разделение «противоположностей», приводящее к тому, что причины самореализации всегда оказывались на одном из полюсов – больше их и нигде было локализовать. Кор-

ни такой дихотомии уходят далеко – в историю поиска людьми источников изменений в себе и в окружающем мире, выявления причин этих изменений.

Легко заметить, что все три варианта поиска причин и сегодня проявляются в психологии, хотя возникли они далеко за пределами собственно научного познания. Показательна в этом плане дискуссия о современном методологическом кризисе в психологии, начатая статьей Е.Д. Хомской «О методологических проблемах современной психологии» [6].

По мнению автора, в новые «постперестроечные» времена философские методологические проблемы психологии все меньше интересуют научную общественность. При этом обнаруживаются новые тенденции, например, к чистому прагматизму, проявляющемуся в определенном пренебрежении академической наукой, в том числе и методологической ее ипостасью, поскольку за ней не просматривается практическая ценность. Вторая тенденция проявляется в оживлении интереса ко всяким чудесам, мистике. Своей позиции автор не скрывает: «Объединяет эти тенденции скрытый или явный уход от вопросов, связанных с четким определением методологических основ психологических исследований, к «размыванию» или даже отрицанию естественно-научной, материалистической методологии как философской основы научного психологического знания» [16. С. 36]. Иными словами, Е.Д. Хомская представляет здесь, возможно, самую представительную часть психологического сообщества, придерживающегося классической материалистической парадигмы.

Все что мы сказали о парадоксах, которые порождает естественно-научная парадигма, имеет прямое отношение к тому факту, который подмечает и сама Е.Д. Хомская: в различных областях психологии методологические трудности проявляются в разной степени, но особенно явно – в тех областях психологии, которые занимаются проблемами личности и сознания [3]. Характерно, что именно здесь наблюдается и наибольшее оживление «нематериалистических тенденций». Проблематично одно: парадигма проявляет свою слабость именно в этих областях психологии или психологи просто упускают из виду проблемы, которые в «постперестроечные времена» их просто меньше занимают? Е.Д. Хомская склоняется скорее ко второму варианту; нам кажется, что более справедлив первый. В качестве доказательства можно привести следующий факт. Вполне соглашаясь с тем, что ориентация на естественно-научный материалистический подход в отечественной психологии берет начало от работ И.М. Сеченова, И.П. Павлова, В.М. Бехтерева, необходимо отметить, что сам И.М. Сеченов в работе «Кому и как разрабатывать психологию?» указал на ограниченность естественно-научной парадигмы именно там, где сегодня проявились основные «методологические трудности». Произвольность поступков человека является «единственным камнем преткновения в деле принятия мысли о непрелож-

ности законов, управляющих психической жизнью» [15. С. 132]. Нет необходимости доказывать, что в произвольности поведения наиболее выражено проявляется сознание человека, да и сама личность.

Нельзя полностью принять и тезис о том, что «гуманистическая психология базируется на гуманистической парадигме, в центре которой – идеи саморазвития личности, отрицание внешних (в том числе социальных) факторов (стимулов) ее развития» [3. С. 38]. Вряд ли утверждение «не вся гуманистическая психология базируется на такой парадигме» адекватно положениям экзистенциальной психологии. Тем не менее «антипод» естественно-научной парадигмы обозначен достаточно четко. Далее Е. Д. Хомская указывает на «тревожную ситуацию», которая складывается и вокруг проблемы «психология и религия», обсуждая причины возникновения «христианской психологии» [12].

Тем самым берущий свое начало еще в античности «методологический треугольник», внутри которого, кажется, обречена двигаться психологическая мысль, окончательно замыкается. Причины любых изменений связываются с высшими силами (христианская психология), локализируются на полюсе человека (гуманистическая психология), устанавливаются на полюсе материи (материалистическая естественно-научная психология). Необходимо признать право каждого ученого на использование любой из доступных ему парадигм, как и на уважительное отношение к осуществляемым предпочтениям. Тем не менее, остается другой вопрос. Если есть внутренние тенденции развития науки, «направляющие ум и волю» исследователя, о которых писал Л. С. Выготский, анализируя методологические основания психологического кризиса [2], то почему они не проявляются как выход за пределы «методологического треугольника»? Здесь возникает альтернатива: либо действительно выходить больше некуда, либо тенденции в развитии методологических построений есть, но мы не можем их выявить, опознать. Для того, чтобы выявить внутреннюю тенденцию развития явления, необходим специальный историко-психологический анализ, т.к. срез актуального состояния дел тенденции развития не вскрывает.

Различные вариации в толковании детерминизма как методологического принципа (в рамках различных направлений) также не указывают на тенденции в развитии самого принципа. Да, есть механистическое понимание детерминант психики, апеллирующее непосредственно к внешним стимулам (бихевиоризм, рефлексология), есть упрощенное сведение психического к физиологическому («физиологическая», «павловская» психологии), признается психическое как следствие врожденных влечений (психоанализ), продолжают попытки непосредственно вывести психическое из социального («марксистская» психология и ее варианты), но все это, как справедливо замечает Е. Д. Хомская, указывает на «качество» детерминизма, а не на тенденции в изменении этого качества [16. С. 10].

Любые ли подходы, используемые в истории психологии, позволяют выявлять внутренние тенденции развития науки? Видимо, каждый из них имеет свои преимущества и ограничения. Основатель историко-категориального подхода в психологии М. Г. Ярошевский одну из своих работ посвятил непосредственно анализу проблемы включения индивидуального развития (онтогенеза) мышления исследователя в контекст филогенеза научного познания [17. С. 137].

Общая гипотеза заключалась в том, что научное познание имеет свою исторически изменчивую «морфологию». Исторически происходит смена внутренних форм познания, которые организуют «работу мысли» исследователей. Эти формы образуют категориальную структуру науки, в преобразовании «категориальных сеток» и выражается логика развития конкретной науки. Субъектом этой логики является вид (научное сообщество), а не индивид. За сменами структур стоит исторический опыт многих поколений исследователей, весь «филогенез научного познания».

Все вышесказанное можно понять как конкретизацию в рамках историко-категориального подхода идей Л. С. Выготского [2] о внутренней тенденции развития науки, не зависящей от воли отдельных исследователей. Однако М. Г. Ярошевский в данном случае идет дальше, высказывая предположение о возможности выделения стадий в филогенезе науки, изучение которых, возможно, позволит определить, на каком уровне развития находилось мышление конкретных исследователей. «Тем самым открывается перспектива нового подхода к эволюции идей. Они выступают как порождения закономерного процесса, как факты, за которыми действуют неотвратимые законы трансформации научного разума» [17. С. 138].

М. Г. Ярошевский приходит к весьма важной идее: рассматривая под этим углом зрения научное творчество ученого, можно в неповторимых индивидуальных проявлениях заметить закономерное движение мысли. Получается, что те личности, которые воплотили актуальную форму познания в наиболее адекватных ей формах, «выступают в качестве главных героев исторического процесса». Можно понять эту мысль и так, что ученые, способные отразить этап, который переживает наука, осознать тип или уровень мышления, адекватный этапу, имеют преимущество перед коллегами.

Решая задачу отбора исходных форм, поэтапное изменение которых отделяет один период эволюции научных представлений от другого, автор использует принцип детерминизма, полагая, что именно он «служит главным жизненным нервом органа науки – ее категориального аппарата». Опытный и глубокий исследователь, М. Г. Ярошевский не отождествляет детерминизм с причинностью, указывая на то, что подобное истолкование объяснительного принципа не охватывает всего многообразия детерминационных отношений.

Отождествление детерминизма с механической каузальностью было подвергнуто критике за отрицание

роли случайности. С появлением квантовой механики к динамической закономерности была присоединена статистическая. Анализ сложности детерминационных отношений, характерных для человека с его сознанием, психикой, саморегуляцией и т.д., приводит М.Г. Ярошевского к определению детерминизма, под которым он понимает «объяснение закономерной связи явлений, исходя из производящих их факторов» [17. С. 138].

Отметим, что основанием для выделения нескольких сменявших друг друга форм детерминистского подхода к психологическим реалиям в данном случае является анализ исторического пути психологии. Сам же анализ заключается в прослеживании меняющегося категориального аппарата науки и способов мышления ученых, выдвигавших новые идеи.

Можно полагать, что возможны другие критерии, другие основания для выделения этапов, концентрирующих в себе различные формы детерминистского подхода. Вопросом остается механизм движения науки, обуславливающий смену этапов и сами формы детерминистского объяснения явлений. Наука, как во многих публикациях показывает В.Е. Ключко, представляет собой открытую самоорганизующуюся систему, которая не просто развивается, а становится [4, 7, 8].

Становление прогрессивно, поскольку его источником является соответствие между системой и элементами среды (в отличие от развития, которое своим источником имеет противоречие), поэтому его можно представить как закономерное (позапное) увеличение сложности системной организации науки, обусловленное системным переопределением ее предмета, что и является главным основанием для изменения категориального аппарата, принципов детерминизма, способов профессионального психологического мышления [4, 8]. Анализу возможностей этого подхода в интересующем нас плане мы посвятим следующую статью. Пока же выделим те положения в научных построениях М.Г. Ярошевского [17], которые чрезвычайно важны для организации перехода к новому пониманию внутренних тенденций преобразования детерминистского подхода в психологии.

Первую из них автор условно обозначает как предмеханический детерминизм. Он сложился в эпоху античности усилиями философов и врачей этой эпохи (Гераклита, Демокрита, Гиппократы, Аристотеля, Галена), и какими бы наивными с высоты последующих эпох ни представлялись их взгляды, скрытый в этих несовершенных конкретно-научных схемах объяснительный принцип оценивается автором как великая победа детерминистской мысли. Учение Аристотеля понимается М.Г. Ярошевским как «одна из вершин» научной мысли, поскольку оно соединило детерминизм с двумя другими интеграторами категориального аппарата психологического познания – принципом системности и принципом развития.

Этот момент чрезвычайно важен: связь трех принципов будет проследиваться далее на других стадиях

развития науки, но концентрация автора на одном принципе (детерминизма) не позволит ему проследить то, что порождает внутреннюю тенденцию развития науки – закономерное изменение уровней системного подхода в его (изменении) детерминирующем влиянии на трансформацию двух других принципов.

М.Г. Ярошевский выделяет, что именно подход, называемый ныне системным, определил строй мышления великого грека. В его психологическом учении детерминизм, системность и развитие нераздельны, но это было не более чем гениальное прозрение – данный синтез создал глобальную проблемную ситуацию, не разрешимую в пределах того исторического периода. Добавим, что и в наше время, несмотря на взрывное развитие системных идей в конце XX в., глобальность указанной проблемной ситуации не уменьшилась, хотя и обрела уже осознанные научным сообществом признаки более или менее конкретной научной задачи.

Если для предмеханического детерминизма организация (система) оставалась загадкой, то механодетерминизм утвердил идею рационального объяснения души по типу работы машины – целостной и целесообразно действующей системы. Психическое (в тех пределах, в каких оно поддавалось детерминистскому объяснению) выступало только как результат влияний на организм, но не как регулятор его поведения, не как особая детерминанта жизненного процесса. Высшие уровни организации этого поведения (акты сознания и воли) оставались причинному истолкованию неподвластны. Заметим, что и сегодня, как мы попытались показать выше, основные проблемы психологии концентрируются вокруг все той же проблемы личности, сознания, произвольного поведения.

Возникновение новой формы познания явлений – биодетерминизма – обусловлено успехами в изучении живой природы. Решающую роль в этом переходе сыграли учения Чарльза Дарвина и Клода Бернара. Здесь внутренняя связь принципа детерминизма с принципами системности и развития выступила еще более отчетливо. Объектом объяснения по-прежнему был целостный организм как интегральное образование, действующее целесообразно, но дарвиновское учение о естественном отборе и выживании организма благодаря адаптации к внешней среде, учение Бернара о саморегуляции с целью сохранения основных жизненных констант (гомеостаз) действительно намечали принципиально новый путь объяснения поведения живых систем. Некоторые ограничения новой формы научного мышления определялись тем, что она выводилась из биологических закономерностей. Вместе с тем эти закономерности (естественный отбор, гомеостаз) не включали психику в качестве самостоятельного причинного фактора. Психическое было объясняемым, а не объясняющим.

Картина стала меняться, полагает М.Г. Ярошевский, когда исследовательская практика привела к выводу о том, что психический образ и мышечное действие – не

только эффекты, но также регуляторы отношений организма с предметной средой. Нам кажется, что не переориентация на новый тип объяснения создала кризисную ситуацию. Что-то должно было вызвать переориентацию на новый тип мышления, и это неуловимое «что-то» необходимо искать не где-нибудь, а в закономерностях движения науки как открытой самоорганизующейся системы. Для объяснения возникших противоречий требовалось выделить более сложную систему, которая, как следствие, определит и особенности новой формы мышления исследователей.

Отметим способ, которым возникающая ассоциативная психология пыталась раскрывать механизм превращения простейших психических продуктов в сложные. На языке философии такой подход называют элементаристским, или атомарным. С него начиналась психологическая наука. Утверждался принцип психической саморегуляции, приемлемый для объяснения того, каким образом организм обретает новые формы интеллектуального поведения.

Выстраивая «лестницу» форм детерминистского познания психики, его филогенез, М.Г. Ярошевский справедливо говорит о том, что в закономерной смене форм, преобразований одних в другие выражена логика развития науки. С другой стороны, эта логика выражена, но не объяснена с точки зрения тех внутренних тенденций развития науки, которые выражаются в такой логике.

Действительно, на всех этапах зримо выступает связь детерминизма с принципами системности и развития. Эти объяснительные принципы, меняя от эпохи к эпохе свой строй и смысл, определяли способы постижения исследовательской мыслью психической реальности, образ которой запечатлевают научные категории. Все это так, но остается вопрос о том, как сама психологическая реальность менялась по мере включения ее во все более сложные системы. Сегодняшний день научной психологии характеризуется переходом от гомеостаза (саморегуляция) к гомеорезу (самоорганизация), сопровождающимся поиском системы, изучение которой позволит объяснить гетеростаз (сверхадаптивное, свободное, надситуативное, трансцендентальное в поведении человека) [8, 10].

Последовательная реализация новой системной позиции, на наш взгляд, позволит увидеть в самореализации личности момент самоорганизации человека как открытой психологической системы и выделить механизмы системной детерминации, которые невозможно

уловить до выделения системы, обладающей способностью к гетеростазическому поведению. За психическим детерминизмом, полагающим психику, сознание в их регулирующей и отражательной роли (по отношению к человеку), зримо выступают контуры психологического детерминизма, системного, содержащего в себе ту степень гуманистического потенциала, которая позволит осуществить интеграцию всей совокупности внутренних и внешних детерминаций в представление о самодетерминации человека как психологической системы, открытой в мир.

Интеграция науки в целостную систему – проблема будущего. «Как подойти к прогнозированию будущего психологии? Думаю, от будущего человека, от общества... И еще, не по отдельным отраслям, а по некоторым проблемам. А почему так? Потому, что они иначе переплетутся в новой системе психологического знания. (Современное членение психологии отражает далеко не решенную еще задачу создания такой системы.)» [10. С. 277].

С другой стороны, как мы уже отмечали, положительных образцов взаимопользительной интеграции разных научных направлений в психологии не так уж много. Объясняется это тем, что методологически трудно избежать соблазна простого соединения разнородного теоретического материала, полученного в разных отраслях науки, опирающихся на собственные объяснительные принципы, отличающиеся друг от друга «призмами видения» и масштабностью представления. Нельзя привести в систему знания о явлении, которое само не определено как система.

Таковым основанием для интеграции в нашем случае может быть особое понимание человека как предмета психологического познания. В теории психологических систем человек предстает как психологическая система – особая пространственно-временная организация, реальная, открытая в мир культуры, в социум, в природу, способная к самоорганизации и саморазвитию. Изучение этой реальной системы обеспечивает системность теории. При переносе такого понимания предмета науки в историю психологии и психоисторию необходимо увидеть в человеке не только психологическую систему, развитие которой охватывается онтогенезом, но и уловить в этом развитии филогенетическую детерминанту, то, в чем проявляет себя история становления человечества, и тем самым действительно «внести историческую перспективу» в психологическое познание человека.

Литература

1. Брушлинский А.В. Принцип детерминизма в трудах С.Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1989. № 4. С. 66–73.
2. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1983. Т. 1. 304 с.
3. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. М.: Изд-во УРАО, 1998. С. 141.
4. Ключко В.Е. Динамика типологических форм системного подхода в психологии и перспективы развития психологической науки. М., 1987. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 29171.
5. Ключко В.Е. Саморегуляция мышления и её формирование. Караганда, 1987. 90 с.
6. Ключко В.Е. Инициация мыслительной деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991. 42 с.
7. Ключко В.Е. Историко-системный подход в психологии и теория психологических систем // Актуал. пробл. психологии. М., 1990. С. 54–58.

8. Ключко В.Е. Человечеобразование как предмет современной психологии образования // Образование и социальное развитие региона. Барнаул, 1995. № 3-4.
9. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 153 с.
10. Леонтьев А.Н. Философия психологии. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 277-278.
11. Маслоу А. Психология бытия. М.: Изд-во REFL-book, 1997. 243 с.
12. Начала христианской психологии: Учебное пособие / Отв. ред. Б.С. Братусь. М.: Наука, 1995.
13. Огородников В.П. Познание необходимости. М.: Мысль, 1985. 206 с.
14. Психологический словарь. М.: Педагогика, 1983.
15. Сеченов И.М. Кому и как разрабатывать психологию. 1983.
16. Хомская Е.Д. О методологических проблемах современной психологии // Вопр. психологии. 1997. № 3. С. 112-125.
17. Ярошевский М.Г. К истории форм психологического познания // Вопросы психологии. 1981. № 3. С. 137-145.
18. Rogers C.R. Toward a more human science of the person // Journal of Humanistic Psychology. 1985. Vol. 25. P. 7.

THE PROGRESS TREND OF THE IDEA OF DETERMINISM AND DETERMINATION IN PSYCHOLOGY (IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF SELF-ACTUALIZATION OF A PERSON)

E.V. Galazhinsky (Tomsk)

Symmary. Some approaches to studying of the problem of determination in psychology are analyzed in the article. Along with the historical and categoric approach (M.G. Yaroshevsky) the historical and system approach (V.E. Clochko) is offered for using. This approach allows to reveal the internal tendency of changing and development of science, its principles of determinism and to plan the ways of resolution of the contradiction between that degree of randomness that the notion of self-actualization contains (implying internal source of activity), and objective laws of the «external».

Key words: determinism, determination, self-actualization, historical and system approach.

